Правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского союза и Евразийского экономического союза

Валяева Валерия Александровна
аспирант Кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, valyaevavaleri@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу подходов Европейского союза и Евразийского экономического союза к регулированию интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта. Исследуются институциональные и нормативные основы, правовой статус результатов, созданных с участием ИИ, проблемы ответственности за нарушения. Обосновывается концепция правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» как инструмента интеграции новых объектов в существующую систему права. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства ЕАЭС и РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, Европейский союз, Евразийский экономический союз, правовое регулирование, авторское право, правовая фикция.

Введение

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется стремительным переходом к новому технологическому укладу, ядром которого выступают цифровые технологии. Одним из наиболее значимых технологических прорывов последних десятилетий стало развитие систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), способных к выполнению творческих и когнитивных задач, ранее считавшихся исключительной прерогативой человека. Генеративные нейронные сети, способные создавать тексты, музыкальные произведения, изобразительное искусство и программный код, ставят перед юридической наукой и практикой фундаментальные вопросы, требующие неотложного разрешения [17].

В эпицентре этих вызовов находится институт интеллектуальной собственности (далее — ИС), веками выстраивавшийся вокруг фигуры автора-человека и концепции оригинального творческого вклада. Появление «машинного творчества» размывает традиционные доктринальные основы авторского и патентного права, создавая ситуацию правовой неопределенности, которая как сдерживает инновационное развитие, так и приводит к нарушению прав и законных интересов различных участников рынка [5].

Проблема исследования заключается в отсутствии единой доктринальной модели, позволяющей гармонизировать подходы к охране ИИ-генерируемых объектов в условиях фрагментированного международного регулирования. Актуальность усугубляется глобальным характером проблемы и разнонаправленными подходами к ее решению на уровне отдельных государств и интеграционных объединений. Европейский союз (далее – ЕС), придерживающийся «человекоцентричного» подхода, активно разрабатывает комплексное законодательство в области ИИ, включая Регламент (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 г. об искусственном интеллекте (далее – AI Act). Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), для которого цифровая трансформация является одним из стратегических приоритетов, находится в поиске собственной модели регулирования.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа подходов ЕС и ЕАЭС обосновать применение правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» как инструмента интеграции новых объектов в систему права ИС, а также разработать предложения по совершенствованию законодательства.

Основная часть

Понятие и правовая природа искусственного интеллекта как объекта правоотношений

Правовое регулирование интеллектуальной собственности применительно к технологиям ИИ складывается одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях – национальном, интеграционном (ЕС, ЕАЭС), а также международно-правовом. Вместе с тем выработка унифицированных подходов к определению правового статуса ИИ в рамках системы интеллектуального права остается незавершенной.

В сфере ИС к охраняемым объектам могут относиться не только алгоритмы, программные решения и массивы данных, но и результаты деятельности систем ИИ – в

частности, сгенерированные ими изобретения и полезные модели. Вместе с тем установление правообладателя применительно к подобным объектам сопряжено со значительными правовыми трудностями [5].

Вопрос о том, способен ли ИИ выступать в качестве изобретателя и правообладателя, остается дискуссионным. Часть специалистов придерживается позиции, согласно которой системы ИИ принципиально не могут выступать авторами в юридическом значении этого термина [14]. Из указанного тезиса следует, что исключительные авторские права подлежат закреплению за иным субъектом правоотношений. Вместе с тем ряд исследователей придерживается позиции, согласно которой поступательное развитие технологических решений неизбежно потребует переосмысления самой категории авторства в контексте применения ИИ.

В научном сообществе сложилось несколько концептуальных подходов к урегулированию данной проблемы. В рамках первого из них предлагается закрепить соответствующие права за разработчиками технологий ИИ либо за заказчиками контента. Второй подход предполагает формирование специального правового режима в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом, согласно которому подобные объекты приобретают статус общественного достояния [5]. Ни один из перечисленных подходов не является совершенным, поскольку каждый из них оставляет без должного внимания законные интересы тех или иных участников правоотношений.

Институциональные и нормативные основы регулирования интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта на уровне ЕС

Современное правовое поле Европейского союза в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, включающую как общие учредительные договоры, так и специализированные регламенты и директивы. Правовые основания для регулирования заложены в Договоре о функционировании Европейского союза, который предоставляет ЕС компетенцию для гармонизации законодательства в целях функционирования внутреннего рынка (ст. 114) и для создания единых прав интеллектуальной собственности (ст. 118).

Центральным элементом современного регулирования данных, являющихся «топливом» для систем ИИ, является Регламент (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 г. Хотя он был принят до развития генеративных моделей ИИ, его принципы оказывают влияние на их разработку и использование. Принцип минимизации данных (ст. 5(1)(c)) вступает в противоречие с потребностью моделей машинного обучения в огромных массивах информации. Ключевое значение имеет ст. 22, устанавливающая право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке (Руководство Европейского совета по защите данных № 05/2020 от 4 мая 2020 г.).

Наиболее амбициозным нормативным актом является AI Act. Он использует риск-ориентированный подход, классифицируя системы ИИ по уровням риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Для систем высокого риска вводятся строгие обязательства: управление данными, техническая документация, прозрачность, человеческий надзор, надежность и кибербезопасность. В контексте ИС наибольший интерес представляют положения, касающиеся генеративного ИИ. На провайдеров моделей ИИ общего назначения возлагаются обязательства по обеспечению прозрачности, включая предоставление краткого изложения контента, использованного для обучения модели.

Среди ключевых институциональных механизмов, предусмотренных AI Act, внимания заслуживает формирование специализированного наднационального органа – AI Office. Данная структура инкорпорирована в систему Европейской комиссии и наделена статусом центрального компетентного органа в сфере регулирования ИИ на пространстве ЕС. Предметная юрисдикция AI Office охватывает весьма обширный круг полномочий: обеспечение имплементации положений AI Act на национальном уровне, осуществление координационных функций в отношении профильных регуляторов государств-членов, контроль за соблюдением нормативных требований применительно к моделям ИИ общего назначения.

Правовая фикция как инструмент регулирования ИИ-объектов: сравнительный анализ подходов ЕС и РФ

Ключевое различие между европейским и евразийскими подходами к правовому статусу ИИ-генерируемых объектов заключается в отношении к правовой фикции. Европейский союз, следуя континентальной доктрине «droit d'auteur», исходит из неразрывной связи произведения с личностью автора. Суд ЕС в решении по делу Cofemel подтвердил, что оригинальность должна отражать «собственное интеллектуальное творение автора». Это фактически исключает возможность признания ИИ автором и, соответственно, охраноспособности полностью автономно сгенерированных объектов. Таким образом, ЕС отказывается от фикции авторства ИИ, оставляя такие объекты в общественном достоянии либо предлагая их охрану через смежные права в ограниченном объеме.

В Российской Федерации, члене ЕАЭС, напротив, активно обсуждались законопроекты, предлагавшие ввести понятие «произведения, созданного с помощью технических средств», и закрепить права на него за лицом, организовавшим его создание. Хотя эти инициативы не были приняты, они демонстрируют принципиальную готовность отечественного законодателя к использованию фикции «организатора создания» как правообладателя. В недавней обновленной версии законопроекта об ИИ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта» предлагается установить, что использование экземпляра ИИ-модели, полученной правомерно, не нарушает авторских прав. Это подтверждает стремление к прагматичному решению, ориентированному на коммерциализацию результатов.

Таким образом, если ЕС придерживается консервативной позиции, основанной на теоретической чистоте концепции автора, то российский подход (и, шире, подход государств-членов ЕАЭС) допускает введение правовой фикции для обеспечения инвестиционной привлекательности. Однако отсутствие единой фикции на наднациональном уровне ЕАЭС создает риск фрагментации и правовой неопределенности.

Регулирование использования объектов интеллектуальной собственности при обучении систем ИИ

Взаимодействие Директивы (ЕС) 2019/790 от 17 апреля 2019 г. об авторском праве на едином цифровом рынке с AI Act создает многоуровневую систему контроля за использованием объектов ИС при обучении систем ИИ. Ст. 3 и 4 Директивы вводят исключения из авторского права для интеллектуального анализа текста и данных.

Ст. 3 предусматривает обязательное исключение для такого анализа в научных целях, осуществляемого исследовательскими организациями. Ст. 4 предусматривает расширенное изъятие, допускающее проведение анализа

в произвольных целях, однако сопровождаемое существенной оговоркой: правообладателям предоставляется возможность в явном порядке зарезервировать принадлежащие им права посредством введения запрета на механизм «opt-out» [21; 20].

AI Act дополняет эти положения, вводя требования прозрачности для провайдеров моделей ИИ общего назначения. Они должны предоставлять подробную техническую документацию, а также краткое изложение контента, использованного для обучения модели. Это создает механизм, который потенциально может быть использован для контроля за соблюдением авторских прав при обучении моделей.

Ответственность и правовые риски при нарушении прав интеллектуальной собственности с использованием ИИ

Анализ правовых рисков и ответственности при нарушении прав ИС с использованием ИИ в юрисдикции ЕС требует многоаспектного подхода. Наиболее острой и широко обсуждаемой является проблема нарушения авторских прав. Риски здесь можно разделить на две основные категории: связанные с «входными данными» (input) и связанные с «выходными данными» (output) системы ИИ.

Нарушения на стадии «ввода» возникают в процессе обучения моделей ИИ, особенно генеративных, которые требуют обработки огромных массивов данных, включая тексты, изображения, аудио- и видеозаписи, защищенные авторским правом. Основным правовым инструментом, регулирующим эту деятельность в ЕС, являются исключения для анализа данных, закрепленные в ст. 3 и 4 ранее упомянутой Директивы. Практическая реализация механизма «opt-out» вызывает серьезные споры и порождает значительные правовые риски для разработчиков ИИ [20].

Риски, связанные с «выходными данными», не менее значительны. Генеративные системы ИИ способны создавать произведения, которые могут быть признаны производными от существующих работ или являться их неправомерным воспроизведением. В этом случае возникает вопрос о наличии «существенного сходства» – ключевого критерия для установления факта нарушения. Определение этого сходства еще более усложняется из-за «проблемы черного ящика», когда невозможно точно отследить, какие именно данные из обучающей выборки повлияли на конечный результат [18].

В области патентного права риски, связанные с ИИ, носят иной характер. Здесь ИИ выступает не столько генератором контента, сколько мощным инструментом для решения инженерных и научных задач. Основной риск заключается в том, что система ИИ может разработать технологическое решение, которое подпадает под формулу существующего патента. Существующие правовые доктрины, основанные на концепции «инструмента», оказываются недостаточными. Некоторые ученые предлагают рассматривать сложные ИИ-системы как объект повышенной опасности, что предполагает введение строгой ответственности для их операторов или разработчиков [2].

В сфере права на товарные знаки основные правовые риски связаны с вероятностью смешения у потребителей. Генеративные ИИ могут создавать логотипы, слоганы, рекламные материалы или доменные имена, которые сходны до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками. Ответственность за такое нарушение возникает при использовании знака «в коммерческом обороте» (Директива 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г.).

Отдельного внимания заслуживает проблематика охраны коммерческой тайны в контексте применения технологий ИИ. Существенную озабоченность вызывает потенциальное непреднамеренное раскрытие конфиденциальных сведений в результате передачи чувствительных корпоративных данных на обработку в облачные ИИ-платформы третьих сторон. С другой стороны, сама ИИ-система, обученная на массиве данных, включающем коммерческие тайны, может в своих ответах воспроизвести эту конфиденциальную информацию [6].

Действующие правовые механизмы охраны интеллектуальной собственности в ЕАЭС

Формирование единого экономического пространства в рамках ЕАЭС неразрывно связано с созданием эффективной системы охраны и защиты интеллектуальной собственности. Нормативно-правовая база представляет собой многоуровневую конструкцию, включающую как наднациональное право Союза, так и национальное законодательство государств-членов.

Ключевым документом, заложившим основы интеграционного взаимодействия в области ИС, является Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в редакции от 25 декабря 2023 г.). Раздел XXIII Договора «Интеллектуальная собственность» и Протокол о порядке охраны и защиты прав на объекты ИС (Приложение № 26 к Договору) устанавливают общие принципы и цели сотрудничества, направленные на гармонизацию законодательства и обеспечение защиты прав на единой таможенной территории.

Одним из наиболее значимых достижений в развитии наднационального регулирования стало создание региональных систем регистрации объектов ИС. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 года предусматривает возможность получения правовой охраны на территории всех пяти государств-членов на основании одной заявки, поданной в любое из национальных патентных ведомств. Единый реестр товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС формируется по результатам распределенной экспертной процедуры [4].

Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 года заложила основу для функционирования Евразийской патентной системы, в рамках которой обеспечивается правовая охрана изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Все государства-члены ЕАЭС являются участниками ЕАПК, что создает де-факто единое патентное пространство.

Правовое регулирование авторского права и смежных прав является наименее гармонизированной областью в рамках ЕАЭС. Протокол № 26 содержит лишь самые общие положения, отсылающие к международным договорам. Основное регулирование остается на национальном уровне. Правоприменительная практика и регулирование отдельных аспектов существенно различаются между государствами-членами [15; 7].

Функционирование Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов ЕАЭС основано на положениях ст. 124 Таможенного кодекса ЕАЭС (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 г.). Регистрация объектов ИС в патентной системе наделяет таможенные ведомства государств-членов полномочиями по приостановлению выпуска товаров с признаками контрафакции на всей территории союза.

Проблемы и пробелы правового регулирования

Несмотря на значительные успехи в формировании наднационального правового поля в сфере ИС, правовая система ЕАЭС сталкивается с рядом серьезных вызовов и пробелов. Одним из наиболее острых вопросов является применение принципа исчерпания исключительных

прав. Протокол № 26 к Договору о ЕАЭС установил региональный принцип исчерпания прав на товарный знак. Однако принятое Советом ЕЭК Решение от 17 марта 2022 г. № 37 о временном допущении параллельного импорта применительно к отдельным товарным категориям фактически означало де-факто приостановление регионального принципа исчерпания прав [10].

В цифровом пространстве в нормативно-правовой базе ЕАЭС обнаруживается существенная лакуна в сфере защиты интеллектуальной собственности, касающейся авторского права. Гармонизация в этой области минимальна. Отсутствие единых «правил игры» тормозит развитие легального рынка цифрового контента, создает условия для недобросовестной конкуренции и ущемляет права авторов и правообладателей [13].

Выявляются пробелы и в регулировании охраны нетрадиционных объектов ИС. В первую очередь это касается секретов производства (ноу-хау). Договор о ЕАЭС лишь упоминает ноу-хау в качестве одного из объектов ИС, но не устанавливает никаких общих стандартов его охраны. Отсутствие гармонизированного подхода к охране ноу-хау повышает риски утечки ценной коммерческой и технической информации [6; 1].

Существуют и процедурные, и юрисдикционные сложности. Несмотря на создание наднациональных объектов ИС, споры, связанные с нарушением прав на них, рассматриваются национальными судами государств-членов. Суд ЕАЭС обладает компетенцией толкования права Союза, но не рассматривает споры между хозяйствующими субъектами по существу. Отсутствие единого специализированного судебного органа по интеллектуальным правам в рамках ЕАЭС является системным вызовом [3].

Сравнительный анализ подходов ЕС и ЕАЭС

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить следующие ключевые различия в подходах ЕС и ЕАЭС к регулированию интеллектуальной собственности в условиях использования ИИ.

Европейский союз строит свою модель «сверху вниз», создавая всеобъемлющую, основанную на ценностях и правах человека нормативную базу. ЕАЭС движется по пути «снизу вверх», где национальные юрисдикции выступают в роли «лабораторий» для апробации различных моделей, а наднациональный уровень пока выполняет лишь координирующую и рамочную функцию.

Подход ЕС, основанный на строгом понимании оригинальности, склоняется к непризнанию за такими объектами авторско-правовой охраны (отказ от фикции авторства ИИ). Это создает «эффект охлаждения» для коммерческой разработки генеративных ИИ, но защищает целостность авторского права. Российские подходы, напротив, ищут способ предоставить таким объектам правовую охрану через фикцию «организатора создания», чтобы обеспечить возврат инвестиций [5; 14].

Европейский союз является мировым лидером в этом вопросе, предложив четкие (хотя и сложные) правила для анализа данных. Это дает больше правовой определенности разработчикам, но и налагает на них существенные ограничения. В ЕАЭС эта сфера остается «серой зоной», что, с одной стороны, дает больше свободы для экспериментов, но с другой – создает высокие правовые риски.

В ЕС создана разветвленная система специализированных органов, включая AI Office, Европейский совет по защите данных, Европейское агентство по кибербезопасности и Агентство по основным правам. В ЕАЭС институциональная структура ограничена ЕЭК и Судом ЕАЭС, при этом отсутствует специализированный судебный орган по интеллектуальным правам.

Перспективы развития и рекомендации по совершенствованию правового регулирования

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в Евразийском экономическом союзе и Российской Федерации. Основная идея – введение правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» с одновременной гармонизацией подходов на наднациональном уровне.

Во-первых, Евразийской экономической комиссии совместно с государствами-членами целесообразно активизировать работу по гармонизации подходов к регулированию ИИ в сфере интеллектуальной собственности. Отсутствие единых правил создает барьеры для формирования общего цифрового рынка. В качестве первого шага предлагается разработать и принять на уровне ЕАЭС Рекомендации или Модельный закон «О правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта». В этом акте следует закрепить принцип, согласно которому ИИ не признается автором, а исключительное право на результат, созданный с использованием ИИ без творческого вклада человека, принадлежит лицу-владельцу ИИ-системы, если иное не установлено договором.

Во-вторых, при совершенствовании законодательства Российской Федерации предлагается ввести в часть четвертую Гражданского кодекса РФ новую статью следующего содержания:

Статья 1259.1. Результат, созданный с использованием технологий искусственного интеллекта.

1. К результатам интеллектуальной деятельности, созданным с использованием технологий искусственного интеллекта без творческого вклада человека (далее – результат, созданный с использованием ИИ), применяется режим смежных прав в соответствии с настоящим Кодексом, если иной режим не установлен специальным законом.

2. Исключительное право на результат, созданный с использованием ИИ, принадлежит лицу, организовавшему его создание (владельцу ИИ-системы), если иное не установлено договором. При создании результата в порядке выполнения служебного задания исключительное право принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором не предусмотрено иное.

3. Для возникновения, осуществления и защиты исключительного права на результат, созданный с использованием ИИ, не требуется государственной регистрации, если иное не установлено законом.

4. Срок действия исключительного права на результат, созданный с использованием ИИ, составляет 25 лет с момента создания результата. По истечении срока результат переходит в общественное достояние.

5. Авторские и смежные права на материалы, использованные для обучения ИИ, сохраняются за их правообладателями. Использование таких материалов для обучения ИИ допускается на условиях, установленных статьей 1274 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, предусмотренных законом.

Такая конструкция позволит сохранить классическую доктрину авторского права, стимулировать инвестиции в разработку ИИ за счет предоставления охраны результатам, установить разумный срок охраны, что соответствует экономической логике, но не создает избыточную монополию, оставить возможность для свободы договора в части распределения прав.

В-третьих, по примеру Европейского союза, в законодательстве государств-членов ЕАЭС необходимо срочно урегулировать режим интеллектуального анализа текстов и данных. Отсутствие ясных правил сдерживает развитие

отечественных ИИ-технологий. Предлагается внести в Гражданский кодекс РФ и аналогичные кодексы других стран ЕАЭС норму, устанавливающую свободное использование правомерно доступных произведений для целей машинного обучения, возможно, с правом правообладателя на «opt-out» для коммерческого использования, как это сделано в Директиве ЕС.

В-четвертых, следует совершенствовать институциональные и процедурные механизмы защиты прав. Необходимо повышать эффективность Единого таможенного реестра путем улучшения информационного обмена между таможенными органами и правообладателями. Для обеспечения единообразного применения права Союза следует рассмотреть вопрос о расширении компетенции Суда ЕАЭС, в частности, о введении механизма обязательного преюдициального запроса национальных судов в Суд ЕАЭС по делам о нарушении прав на наднациональные объекты ИС.

В-пятых, на уровне ЕАЭС целесообразно создать постоянно действующую экспертную группу по вопросам права ИИ и ИС, которая бы обеспечивала мониторинг правоприменения, готовила проекты модельных актов и координировала позиции государств-членов при переговорах на международных площадках.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Развитие технологий ИИ выступает катализатором фундаментальной трансформации института интеллектуальной собственности. Традиционные доктрины, основанные на антропоцентричной модели творчества, неспособны дать однозначные ответы на новые вызовы. Ключевые проблемы концентрируются вокруг вопроса о правовом статусе ИИ, определения критериев охраноспособности для «машинных» произведений, установления первоначального правообладателя и регулирования использования охраняемых произведений для обучения нейронных сетей.

Европейский союз выстраивает многоуровневую систему правового регулирования, где горизонтальные акты устанавливают общие рамки безопасности, защиты данных и фундаментальных прав, а вертикальные нормы решают хвопросы, связанные с интеллектуальной собственностью и гражданской ответственностью. Подход ЕС характеризуется как осторожный и консервативный в части предоставления охраны «машинным» произведениям, но проактивный и детализированный в части регулирования использования данных и обеспечения прозрачности.

Регулирование в ЕАЭС более фрагментировано, менее гармонизировано и находится на более ранней стадии развития. Отсутствие единого наднационального законодательства приводит к тому, что основная регуляторная активность сосредоточена на национальном уровне, прежде всего в России. Подход ЕАЭС можно охарактеризовать как реактивный, прагматичный, ориентированный на национальные эксперименты, но страдающий от недостатка гармонизации и правовой определенности.

В качестве авторской модели предлагается введение на уровне ЕАЭС правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» с закреплением исключительного права за лицом, организовавшим его создание, и установлением срока охраны 25 лет. Такая конструкция позволяет сохранить целостность классического авторского права, стимулировать инвестиции и обеспечить предсказуемость правоприменения. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в эпоху ИИ находится в начале своего пути. Модели, которые вырабатывают сегодня ЕС и ЕАЭС, окажут долгосрочное влияние на траекторию технологического развития, глобальную конкурентоспособность и баланс интересов в цифровом обществе. Выбор правильной регуляторной стратегии – стратегическая задача, требующая взвешенного подхода, международного сотрудничества и глубокого научного анализа.

Литература

1. Абдирайымова Г.С. Правовая охрана ноу-хау в Республике Казахстан и в рамках ЕАЭС // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 1(68). С. 88–95.
2. Бирюков П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза // Территория новых возможностей. 2020. № 4.
3. Иванова Д.В. Система права интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС: сравнительный анализ // Управление наукой и наукометрия. 2023. № 2.
4. Ивлиев Г.П. Ключевые вопросы системы государственного и регионального управления интеллектуальной собственностью // Вестник ФИПС. 2026. Т. 5. № 1(15). С. 30–39.
5. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.
6. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 193 с.
7. Канатов Т.К. Понятие авторских прав в странах Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. 2016. № 1(20).
8. Кашкин С.Ю., Калиниченко П.А., Четвериков А.О. Право Европейского Союза: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 380 с.
9. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 341 с.
10. Лопатин В.А. Параллельный импорт: pro et contra в контексте права ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 119–141.
11. Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-management. 2020. Т. 3. № 1. С. 43–49.
12. Осипов Д.П. Искусственный интеллект как объект правового регулирования // Российское право онлайн. 2023. № 3. С. 11–24.
13. Рузакова О.А. Вопросы совершенствования законодательства об авторском праве в Российской Федерации и Европейском союзе // Кодификация российского частного права 2017 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2017.
14. Шленовский П.Г., Грачева Д.А. Искусственный интеллект и авторское право в современных условиях // Экономика. Право. Общество. 2023. № 3. С. 79–85.
15. Шугурова И.В. Гармонизация законодательства об интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4(117). С. 200–205.
16. Энтин Л.М., Энтин М.Л. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза. М.: Норма, 2023. 528 с.
17. Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 270 p.

18. Hristov K. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma // European Intellectual Property Review. 2021. Vol. 43. No. 8. P. 503–515.

19. Hugenholtz P.B., Senftleben M.R.F. Fair Use in Europe: In Search of Flexibilities. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 211–218.

20. Margoni T. A deeper look into the EU Text and Data Mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology // Communications of the ACM. 2021. Vol. 64. No. 5. P. 24–26.

21. Quintais J.P. The New Copyright in the Digital Single Market Directive: A Critical Look // European Intellectual Property Review. 2020. Vol. 42. No. 1. P. 28–41.

22. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright // Journal of the Copyright Society of the USA. 2022. Vol. 69. No. 1. P. 1–45.

Legal Regulation of Intellectual Property in the Context of Artificial Intelligence Use: A Comparative Legal Analysis of the Approaches of the European Union and the Eurasian Economic Union

Valyaeva V.A.
MGIMO University

The article provides a comparative legal analysis of the approaches of the European Union and the Eurasian Economic Union to the regulation of intellectual property in the context of artificial intelligence use. It examines institutional and normative frameworks, the legal status of AI-generated results, and liability issues. The concept of a legal fiction of “AI-assisted result” is proposed as a tool for integrating new objects into the existing IP system. Recommendations for improving the legislation of the EAEU and the Russian Federation are formulated.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, European Union, Eurasian Economic Union, legal regulation, copyright, legal fiction.

References

1. Abdirayymova G.S. Legal Protection of Know-How in the Republic of Kazakhstan and within the EAEU // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2022. No. 1(68). Pp. 88–95.
2. Biryukov P.N. Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Technologies: the Approach of the European Union // Territory of New Opportunities. 2020. No. 4.
3. Ivanova D.V. The System of Intellectual Property Law in the EAEU Member States: a Comparative Analysis // Science Management and Scientometrics. 2023. No. 2.
4. Ivliev G.P. Key Issues of the System of State and Regional Management of Intellectual Property // Bulletin of FIPS. 2026. Vol. 5. No. 1(15). Pp. 30–39.
5. Kalyatin V.O. Determination of the Subject of Rights to the Results of Intellectual Activity Created with the Use of Artificial Intelligence and Its Impact on the Development of Civil Legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 24–50.
6. Kalyatin V.O. Intellectual Property Law. Legal Regulation of Databases: a Textbook for Universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2026. 193 p.
7. Kanatov T.K. The Concept of Copyright in the Countries of the Eurasian Economic Union // Eurasian Advocacy. 2016. No. 1(20).
8. Kashkin S.Yu., Kalinichenko P.A., Chetverikov A.O. Law of the European Union: a Textbook for Universities. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2019. 380 p.
9. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Law of the Eurasian Economic Union: a Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2022. 341 p.
10. Lopatin V.A. Parallel Import: pro et contra in the Context of EAEU Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. Pp. 119–141.
11. Omorov R.O. Intellectual Property and Artificial Intelligence // E-management. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 43–49.
12. Osipov D.P. Artificial Intelligence as an Object of Legal Regulation // Russian Law Online. 2023. No. 3. Pp. 11–24.
13. Ruzakova O.A. Issues of Improving Copyright Legislation in the Russian Federation and the European Union // Codification of Russian Private Law 2017 / ed. by P.V. Krasheninnikov. Moscow, 2017.
14. Shlenovsky P.G., Gracheva D.A. Artificial Intelligence and Copyright in Modern Conditions // Economics. Law. Society. 2023. No. 3. Pp. 79–85.
15. Shugurova I.V. Harmonization of Intellectual Property Legislation within the EAEU // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 4(117). Pp. 200–205.
16. Entin L.M., Entin M.L. European Law. Foundations of the Integration Law of the European Union and the Eurasian Economic Union. Moscow: Norma, 2023. 528 p.
17. Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 270 p.
18. Hristov K. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma // European Intellectual Property Review. 2021. Vol. 43. No. 8. P. 503–515.
19. Hugenholtz P.B., Senftleben M.R.F. Fair Use in Europe: In Search of Flexibilities. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 211–218.
20. Margoni T. A deeper look into the EU Text and Data Mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology // Communications of the ACM. 2021. Vol. 64. No. 5. P. 24–26.
21. Quintais J.P. The New Copyright in the Digital Single Market Directive: A Critical Look // European Intellectual Property Review. 2020. Vol. 42. No. 1. P. 28–41.
22. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright // Journal of the Copyright Society of the USA. 2022. Vol. 69. No. 1. P. 1–45.